

„Антизападничество” в повседневном сознании советских граждан в 60-х, 70-х годах прошлого столетия (На материале биографических исследований и личных впечатлений автора)

Д.Варзоновцев

Акцент здесь ставится не на идеологическом „антизападничестве”, а на его корнях и проекциях в обыденном сознании советских людей в самом интересном для меня десятилетии истории СССР, связанным с т.н. „хрущевской оттепелью”. Это время ассоциируется с оживлением в духовной жизни в Советском Союзе после XX съезда КПСС. Но если говорить о начале и конце „десятилетия”, то точная их, фиксация невозможна. Московский логический кружок (позднее – Московский Методологический кружок) начался еще до пресловутого съезда. Его постепенное выгорание как-то совпадает и с концом настроения оттепели. В событийном плане, как мне кажется, она прекращена на всех уровнях административно-партийным устранением всякой „неположенной” активности. Что особенно ярко проявилось в подавлении „пражской весны” в 1968 году.

На моей памяти я могу с четкостью для самого себя установить „начало” периода оттепели с появлением „следов” автентичного „Запада” в публичной жизни общества – выставок и печатных изданий. Самое яркое впечатление на меня оказала американская выставка в Сокольниках осенью 1959 года. Я был тогда совсем еще ребенком и многие детали выставки как-то побледнели. Но на детское мое восприятие огромное воздействие оказали автомобили и яркие выставочные издания, в т.ч. и журнал „Америка”, тогда на краткое время, появившейся даже в розничной торговле и в киосках печати в центре Москвы.

В том же году близкая подруга моей матери, учительница французского языка по просьбе матери, начала учить меня французскому. И в плане практического овладения языком заставила покупать и читать коммунистическую (за неимением другой) французскую печать, представленную опять-таки в центральных киосках газетой L'humanité и молодежным журналом, названия которого я не помню, но он тоже был коммунистическим. Позже я узнал, что в центральных московских отелях, где жили почти исключительно иностранцы, в фойе продавалась и некоммунистическая пресса. Но чтобы купить ее, надо было войти, а точнее проникнуть в такое фойе, что было совсем не безопасно. Журнал же „Америка” распространялся тогда почти исключительно в „служебном” порядке, т.е. номенклатурно, причем в том же

иерархическом ряду как и пайки. Так журнал попадал и ко мне – тогда моя мама работала на почте, которая обслуживала министерства и аппарат ЦК на Старой площади в Москве.

Если с дистанции к тому времени и личностному ощущению можно сделать какое-то вводное обобщение, то не может не быть констатировано плотное присутствие „Запада” в обыденном сознании советских людей. Но присутствие это было амбивалентным - позитивным и негативным одновременно. С одной стороны это был образ чужого и враждебного мира, а с другой, напротив – образец правильной, нормальной жизни, хоть и „не такой как у нас”. Думаю, что эту констатацию нельзя ограничить 60-ми годами. Она как никогда явственна сегодня в противопоставлении между властью и оппозицией не только на политическом, но и на житейском уровне.

Но я имею в виду не только и не столько противоположность различных образов Запада в обыденном сознании, сколько о том, что они одновременно жили в сознании людей того времени. Время отражается в усилении одной или другой его проекции, но они остаются удивительно слитыми по сию пору.

Такая парадоксальная конструкция обыденной ментальности советского горожанина и сегодня оказывает сильное, если не решающее воздействие на политические процессы в постсоветской России. В качестве примера такого „сожительства” могу привести динамику мнений в российских сетевых форумах. Независимо от того на „чьем” блоге или сайте („западника” или „почвенника”) разворачивается дискуссия, обязательно присутствует и негативная, и позитивная оценка Запада, который чаще всего ассоциируется с „Америкой”, с США. Субъективно я замечаю известную асимметрию. Когда сталкиваются противоположные мнения „анти-западническое” присутствие выражается остро, грубо и агрессивно, а „западничество” как-то приглушено и в контексте какой-либо аргументации или рассуждения. „Антизападное” часто выражается даже вне связи с конкретной темой обсуждения или спора грубой нецензурной бранью и агрессивным неприятием.

Но вернусь к личным ощущениям того времени. До начала 60-х годов в Москве - на стенах зданий, на заборах и дверях домов, во дворах и на улицах - авторитетно присутствовал образ ...Германии. Это был мощный образ одновременно и страшного врага - „фашистов”, и образца технического превосходства. Тогда, еще в 50-х, да даже и 60-х годов по улицам Москвы разъезжали автомобили БМВ, военного и довоенного производства. Они массово были ввезены в Советский Союз военными, служившими в оккупационных войсках в Германии.

Но я жил в самом центре Москвы, буквально в десяти минутах ходьбы от Кремля на Гоголевском бульваре и в близком соседстве с Генеральным штабом и другими не менее важными ведомствами. Вся улица, параллельная бульвару была заставлена сначала немецкими, а после – именно с конца 50-х годов - американскими автомобилями. „Немцы” были представлены уже не БМВ, а „Мерседесом”, причем довольно-таки представительными моделями Ц-класса. „Американцы” почему-то были представлены главным образом „Шевроле”. Начал я их различать именно благодаря американской выставке. Но „немцы” были тогда важнее и представительнее. Лишь постепенно они были потеснены и не вытеснены совсем „американцами”. По-моему на обыденном уровне Германия даже в начале 60-х годов была еще более авторитетна, чем Америка. Поворот был замечен лишь в публичной пропаганде. Германия осталась в прошлом, а актуально врагом становилась Америка. С этим, наверно, можно связать и саму „хрущевскую оттепель” (знаменитый ботинок Хрущева в ООН), хотя ментальная переориентация была заметна еще в сталинские времена - в фильмах.

Но что нужно вновь подчеркнуть. В повседневном сознании Запад, по крайней мере в среде горожан был образцом для подражания. Особенно в одежде, но постепенно формировался и более широкий, поведенческий и бытовой план подражания. Присутствие „запада” было ощутимо в городской среде, в рисунках и надписях, оставляемых „на память” многочисленными детскими и юношескими компаниями „Вражеские” знаки становятся индикаторами силового присутствия и статуса в компании. Но если кого-либо в детской компании назовут в ожесточенном споре „фашистом” или „американцем” – это будет очень жесткой негативной санкцией. Интересно, что в эпоху застоя подобные санкции практически ушли в небытие.

В этом амбивалентном языковом употреблении образов тогдашнего запада проявлялась глубинная культурная детерминация – это были образы Чужого. И в позитивном, и в негативном планах. Чужой и далекий Запад одновременно и в одном и том же ментальном мире был и образом какого-то чудесного, сказочного мира, и образом опасности, неопределенности и враждебности. Здесь, наверно, можно говорить не только об амбивалентности, но даже и о шизофреничности образа Запада, воспалявшей „коллективное бессознательное” советского общества.

В особом свете такое воспаление может быть визуализировано по отношению роли вещей при реализации функции социального контроля. Идеологическая практика такого контроля тесно связана с нормативными предписаниями и санкциями. Здесь всякое присутствие „Западного” подлежит негативной санкции. Эффективность такого

„вертикального” контроля, контроля „сверху вниз” во время „оттепели” ослабевала. Но роль вещей, в частности одежды оставалась значительна, но не на „вертикальном”, властно-нормативном уровне, а на „горизонтальном” уровне, уровне междуличностного общения. Российская исследовательница Ольга Гурова показывает это обстоятельство на примере ...белья:

«В то время как в производственных и учебных структурах существует «вертикальный» контроль, подкрепленный постановлениями и правилами внешнего вида (речь идет о форме в школе или униформе на работе), формальные предписания в отношении повседневного внешнего вида отсутствуют. Однако контроль присутствует и реализуется в так называемом рассеянном „горизонтальном” варианте. Функцию инструкций в этом случае исполняют сформулированные в массовых текстах правила о том, что, когда и как носить, а надзор за их исполнением осуществляет социальное окружение: незнакомцы, производственные или учебные коллективы, семья.

Горизонтальный контроль оказывается действенным механизмом, поскольку позволяет выявлять несоответствие «публичной» и «приватной» личности повсеместно: в любом пространственном и временном отрезке (курсив мой -Д.В.).

Участие окружающих и меры их воздействия способствовали приведению «приватной» и «публичной» личности к единственному выражению - «публичной» личности, которая должна предьявляться в любое время и в любом месте: на улице, на работе, в школе или дома (Герасимова 2000; Kharkhordin 1997). Особая роль источника контроля над «телесной идиомой» (Гофман 2000) принадлежит внешнему окружению *Надзор, таким образом, возможен везде, где есть люди (курсив мой - Д.В.).* Обратимся к примеру: „(надеваю) одно из этих платьев колокольчиком, туфли на высоком каблуке, их тогда тоже трудно купить было. Модные чулки в сеточку; на капроновые чулки одеваешь еще одни — в сеточку. Как раз: платье, чулки, все это очень подходило. Я навещаю свою знакомую в больнице. Вышла медсестра и обложила меня последними словами. Как будто бы я вышла из кабаре или из варьете и тут устраиваю стриптиз. Вот какое было настроение в обществе. Ведь сейчас кто в чем ни идет, никто практически внимания не обращает. Если морализировать” (ж., 1937 г. р.). Способом действия контроля в данной ситуации служит словесное выражение неодобрения по поводу „модных чулок в сеточку”. *В этом примере важно, во-первых, что на особенности одежды обращают внимание, что внешний вид, одежда, материальные символы служат значимым критерием оценки личности. Во-вторых, оценка артикулируется, высказывается вслух и этим обеспечивается действие и действенность контроля. В-*

третьих, порицанию подвергается телесная «экспрессия»: чулки в сеточку — это не хлопчатобумажные колготы, а вещь, которая обладает инвестицией сексуальности (и эта инвестиция вполне осознанна, раз в диалоге заходит речь о стриптизе, кабаре и варьете). В-четвертых, субъектом контроля, экспертом в отношении внешности может быть любой посторонний, незнакомый человек, например, медсестра в больнице (курсив мой - Д.В.).

Другой пример касается непосредственно нижнего белья: „Был 1972 г., мне было тогда 35 лет, были мы в колхозе, и я очень любила утром сходить на озеро, выкупаться. Иду обратно, одеваю на голое тело, маечка у меня была такая трикотажная и юбка, жара была. Мне так хорошо, я выкупалась. Смотрю — идут <...> Они были лет на 10 меня моложе. Они меня все время стыдили, что я хожу без бюстгалтера, Я была очень миниатюрная, и меня это не очень волновало. Но вот они меня стыдили» (ж., 1937 г. р.).

В примере осуждение исходит от посторонних, на их отстраненность от героини рассказа указывает отсутствие названия — „они”. Кто — „они”? Из последующего контекста становится ясно» что речь идет о группе женщин — местных жительниц. Осуждению вновь подвергается и телесная экспрессия — „грудь не должно быть видно, она не должна болтаться”, и пренебрежение общепринятыми нормами: „ты — женщина, и на этом месте должен быть бюстгалтер”»¹.

На примере белья, мне хотелось бы показать не только силу т.н. „горизонтального” контроля в советском обществе, но и его культурную основу. Речь идет о т.н. „коллективистской” культуре (Хофстеде). Даже предельная схематичность этой концепции, позволяет визировать базисные культурные ориентации советской ментальности по отношению к „Западу”.

Основная разграничительная линия проходит по линии внутренне/внешнее, на языковом уровне — „мы”/”они”, на поведенческом в близости между „нами” и дистанции к „ним”. Само общение концентрировано около „дома/семьи”, а особую роль играют ритуалы „встречи” и „прощания”. Исполнению задач и постижению целей придается гораздо меньшее значение. Отклонение санкционируется как „срам” и распространяется на всю группу, к которой принадлежит нарушивший норму. Иерархические отношения руководителя к подчиненным эквивалентны отношениям в парирахальной семье между отцом и детьми. В речевом поведении особое значение

¹О.Гурова Нижнее белье в советской культуре:особенности приватной вещи. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2004. Том VII. № 2, с.109-110

имеют не столько слова, сколько интонация и паузы. Молчание может убить. Слова с положительным смыслом: мы, гармония, репутация, обязанности, жертвоготовность, сеейство (в символическом смысле), честь, почтенность, долг, лояльность, срам. Слова с отрицательным смыслом: я, дружба, „делай, что хочешь”, договор, судебный процесс, собственный интерес, самоуважение, самоутверждение, индивид, достоинство, мое, меня, удовольствие, приключение, вина, уединение².

В ментальности советского общества 60-х годов „свое” резко, радикально противопоставит „чужому” и это разделение пронизывает советскую ментальность во всей глубине. Внутри „своего”, это тотальное разделение как если бы фрагментируется на множество междугрупповых и междуобщностных границ между более или менее „чужими”. Острое чувство этнической идентичности противопоставляет людей даже очень близко общающихся ежедневно и в любой сфере – „евреи”, „нацмены”, „чукчи”, „татары”, „хохлы” всегда оказываются вне сферы „своего” при малейшем напряжении даже в минуты отдыха в компании друзей и коллег. Острый национализм, принявший сегодня ясное идеологическое и политическое оформление, тогда был „рассеян” в ежедневном кругу, но всегда подспудно определял идентичность и приемливость действий или слов даже близких в групповом плане людей.

„Запад” (а в его личностной проекции - иностранец) был символом тотально другого, тотально чужого мира. В известном смысле именно этот образ символизировал границу между „всеми нами” и остальным, враждебным „нам” миром всех радикально различных от „нас”. Это широкое „мы” как-то смягчало внутренние разграничения на этической или культурной основе. Но часто это обиденное противопоставление было усилено даже „легким” подозрением - „жиды продают Россия Западу”! Принадлежность к „Западному” была достаточна для активирования групповой агрессии в самых банальных бытовых ситуациях. Так в повседневности срабатывал „горизонтальный” контроль общего над частным. Но в коллективном бессознательном именно „западное” было базой сопротивления индивида группе, „коллективу”.

В этой связи мне приходит пример из собственной жизни. Это произошло однако не в 60-е, а в начале 70-х. Мы с моей будущей женой, студенткой из Болгарии поднимались по лестнице в мою квартиру. И вдруг на каком-то этаже внезапно открылась дверь и откуда-то из глубины квартиры вырвалась разъяренная женщина,

² Херт Ят Хофстеде, Пол Б.Пидърсън, Хеерт Хофстеде Изследване на културата. Издателство „Класика и стил” С.,2003, с. 111-113

которая заорала на нас „Фашисты!“. Эта бурная агрессия была направлена не столько на мою жену, сколько на меня. Какое право ты имеешь общаться с „иностранкой“. Иностранкой была ...болгарка. А в то время к Болгарии было особое отношение как к „братской“ стране. Говорили - „Курица не птица, Болгария – не заграница!“ Но для моей соседки по дому это не имело никакого значения. Я был враг, предатель!

Нужно отметить, что именно наша одежда, тогда хотя и минимально, но все же различная от массовых вещей того времени, стала пусковым механизмом такой агрессии. И не само в частной сфере, но и в публичных местах. Мою жену в кафе или ресторанах сразу же отделяли от других – идентифицируя ее с близкими „чужими“, называли „латышкой“. В таких случаях „действовала“ не только одежда, но и ее окрашенные в светлый тон волосы и совсем легкий акцент.

В 50-х годах „стиляжничество“, т.е. стремление выглядеть ярко и различно осуждалось как преступление. А в идеологическом плане как „поклонничество“ перед Западом. В 60-е присутствие во внешнем облике черт „западного“ перестало быть преступлением и осуждалось на „горизонтальном“ уровне, уровне улицы и толпы незнакомцев. Массовой реакцией, когда любой человек и в любой публичной ситуации мог и словом, и жестом „показать нарушителю“ его место. Даже и в сфере частной жизни.

Это не значит однако, что в рамках обыденной ментальности, так сказать в глубинных структурах жизненного мира советского общества не было альтернативных образов и моделей поведения. Те же стиляги, часто с риском для себя и своих друзей представляли такую альтернативу. Но это не была сознательная, индивидуальная позиция, а скорее выражение маргинальности, отказа полностью подчиниться общему вкусу и ...гармонии. Часто формой проявления это маргинальной стратегии поведения были совершенно фантазмагоричные образцы. Но в их основе стояли все же косвенно и со многими трансформациями воспринятые образцы „западного“ стиля жизни.

В более рефлексивном виде „западничество“ на уровне ежедневного общения, так сказать в быту, проявлялось в индивидуализме, в отказе от тотальной символики и образности коллективизма.

Средой такого, часто показного, вызывающего индивидуализма был город. Но не всякий, а большой. Прежде всего, Москва. Ведь и тогда, и сейчас говорят, что „Москва это не Россия“. В 60-х это противопоставление выражалось на уличном уровне во вражде центровых и окраинных юношеских банд.

Другой средой такого противопоставления внутри советского общества была научная среда. Здесь индивидуализм не только демонстрировался, но и культивировался, но на фоне тотальной „групповщины”. Собственно „западничество”, если вновь иметь в виду не рациональный его план, а именно интуитивно обыденное настроение и установку, было выражением острого протеста по отношению к ужасающей атмосфере „групповщины”, этой микропроекции фундаментальной структуры советского „мы” не только в научной области, но и практически во всех областях жизни.

С середины 60-х годов, когда поступил в Московский Университет имени М.В.Ломоносова, я окунулся с головой в эту ужасающую атмосферу, а островами сравнительно живого воздуха стали для меня многочисленные семинары того времени в образованной Москве. Собственно дисидентство в большой степени обязано этим островам. Не случайно расцвет семинарной жизни пришелся на „хрущевскую оттепель”. А омертвление и бланализация наступают после 68 года в эпоху застоя.

В этой связи нужно отметить что „Запад” и в этой среде все же был образом другого мира. Но не враждебного, а желанного. Здесь оформилось и другое противопоставление между „нашим” и „ ихним” как противопоставление серой мизерии в повседневной жизни „здесь” и яркой привлекательностью жизни „там”.

Может быть, я буду очень субъективен, но и в научной жизни это противопоставление было фактором оценки успеха. Часто ездить „туда” было престижно и практично именно в вещественно-телесном плане. В разговоре с одним из моих друзей, ставшим после окончания университета очень успешным ученым, он подчеркнул ценность своих частых поездок „туда” – привести оттуда автомобиль. Даже не „Мерседес”, а ... „Вартбург” или „Шкоду”. В ограничении круга возможных покупок он демонстрировал реализм. На „настоящем” Западе автомобиль стоил дороже, да и привести его оттуда было очень трудно. На „полу” - Западе, в стране из „лагеря” купить авто были дешевле и привести его домой легче.

В более позитивном плане Запад в этой почти индивидуалистической (Хофстеде) среде был ассоциирован с „правильным и нормальным производством”, не только с качеством, но и с социальной организацией жизни. Не помню, чтобы такое отношение было антисоциалистическим, антикоммунистическим и прокапиталистическим. Наверно до этого дошло в широком масштабе уже позже и на фоне обостряющегося внутреннего кризиса в Советском Союзе в конце 70-х и в 80-е годы.

В этой осторожности нужно винить не только КГБ и атмосферу террора, но и ...силу подспудного „мы”. Самого меня чуть было не постигли тяжелые „орг. последствия” из-за спора с коллегами в Университете по поводу автомобиля „Москвич”. Я по простоте душевной сказал, что этот автомобиль ни в какое сравнение не идет с „Мерседесом”. Тут мне самым ожесточенным образом возразили – „Мерседес” не для нас, он не может ездить по нашим дорогам!” На что я возразил, сам не подозревая опасности такого мнения – „Нам нужно строить хорошие дороги, тогда и по ним сможет ездить „Мерседес”. „Москвич” - это показатель отсталой индустриальной базы, а „Мерседес” - передовой”. Разговор прошел в тесном кругу между лекциями в коридоре. Но не прошло нескольких дней и меня вызвали в комитет комсомола и очень серьезные товарищи объяснили мне, сколь далеко могут меня завести такие рассуждения. Не знаю, что меня выручило, поддержка друзей в самом комитете или неожиданная для самого меня острота. Я объяснил „товарищам”, что очередной пленум отметил точно этот недостаток социалистического строительства, его технологическое отставание от Запада. Может быть, и не было такого пленума, но возражение было принято.

И все же, как мне кажется, „Запад” даже в своем позитивном принятии как образец хорошей и правильной жизни все же был проекцией именно ...”антизападничества” советского, а сейчас российского общества, выражением почти бессмысленного сопротивления „чужому” образу мыслей и жизни. И все же сама по себе эта констатация банальна. Где и по сей день кроются основания для такой жизненной ориентации россиян? Здесь вновь приведу интересные замечания О.Гуровой. Она отмечает, что жизнь вещей в советском союзе поразительно отличается от жизни вещей в западном потребительском обществе: „Материалы, собранные в результате моего исследования, говорят о том, что в советской культуре вещи функционируют в режиме постоянного, непрекращающегося потребления-отмечает О.Гурова. Именно эту характеристику вещи можно назвать ключевой для материальной среды советского общества. Бессмертие, постоянство - модус существования советской вещи, суть которого - в неизменности и незаменимости, в бесконечной возобновляемости функционирования предметов. В противовес потребительской культуре, в рамках которой потребление связывается с разрушением вещи и с максимально быстрым

завершением ее функционального цикла, потребление вещей в советской культуре сопровождается бесконечным возвращением их к жизни.”³.

Эта глубинная „устойчивость” бессмертность вещей возможна и делает возможным в постоянном круговращении вещей, тел воспроизводство глубинной структуры социального мира и в современной России. „Бессмертность” вещей исключает из жизни любую инновацию. Косность, даже не консерватизм, а какая-то беспросветная стабильность окружения консервирует и сознание, жизненные ориентации и чувства. «В качестве „тактик сопротивления” (сопротивления времени),- отмечает О.Гурова,- могут быть рассмотрены не только шитье, но и практики сохранения и продления жизни вещей. Так, одним из способов преодоления невысокого качества вещей является ремонт одежды, например - штопка: „Штопали, штопали все. Зашивали. Долго очень носили”. Или: „штопка, чулки - и пошел. Капроном штопали. Старый капроновый чулок распустишь и, если он подходит по цвету, можно зашить. Швы-то, конечно, видны. Все равно видно”. Штопка необходима потому, что вещи снашиваются быстрее, чем, по представлениям людей, их можно выбрасывать»⁴.

Если вернуться к сегодняшней ситуации в России, то можно отметить как первая волна протеста против нечестных выборов в конце прошлого и начале этого года почти разбилась о стену именно такого сопротивления, иррационального и даже бессознательного. Но интересно, что вторая волна оказалась жизненнее и продолжается уже именно как сопротивление косности и стабильности.

Мне редко удается бывать в современной Москве, но в каждом своем посещении образ нового города и новой жизни как-то удивительно напоминал карнавал в смысле Бахтина как праздник переворачивания смысла жизни.

³ Ольга Гурова_ Продолжительность жизни вещей в советском обществе заметки по социологии нижнего белья. *Журнальный зал Неприкосновенный запас*, 2004 N2(34) <http://magazines.russ.ru/nz/2004/34/gurov9.html>

4. Там же

В годы моей молодости „западное” часто представлялось в каком-то перевернутом, карнавальном виде. Не только в официальных пропагандных фильмах, но и в обыденной жизни, в одежде, в манерах поведения, в музыке. В разной степени, но поведение „чуждопоклонников” было все же и эпатажем, вызовом. Обыденная тактика производства идентичности, как выразился бы де Серто, подчеркивала нереалистичность присутствия западных образцов в советской жизни, их невкорененность.

Сегодня именно карнавал, карнавальное оборачивание „вверх ногами” косного уклада жизни делается очень эффективной тактикой „раскачивания” путинского режима. И вот, что интересно „нашисты” не могут ничего, кроме стандартных провокаций поп гапоновского стиля противопоставить этому жизненному, даже жизнестроительному карнавалу.